

INSPIRIA

ЖЕСТОКОЕ ОБЩЕСТВО

18+

МОРГАН БРИДЖЕС

INSPIRIA

Сурсак. Темная романтика (Эксмо)

Морган Бриджес
Жестокое общество

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Бриджес М.

Жестокое общество / М. Бриджес — «Эксмо», 2024 — (Cupcake.
Темная романтика (Эксмо))

ISBN 978-5-04-250733-5

Он борется за ее свободу. Она – за его душу. Вторая часть дилогии «Орден Обсидиана». Он вонзил в нее клинок, чтобы спасти. Но теперь именно любовь может их погубить. Ксавье Донован – идеальный солдат Ордена Обсидиана, элитного братства, – и ему велели убить ту, кого он любит. Но ради Делайлы Ксавье готов пожертвовать всем – своими принципами, клятвой, всем, во что он верит. Сколько врагов он готов уничтожить? Какую часть своей души он готов принести в жертву? В Ордене Обсидиана милосердие – это слабость, а желание – это оружие. Для Ксавье любовь становится самым жестоким испытанием из всех. Потому что без нее его жизнь ничего не стоит. От автора бестселлеров «Однажды ты станешь моей» и «Теперь ты моя». Морган Бриджес – автор темной романтики, любительница антигероев, глубоких книг с красивым слогом, романтики, от которой захватывает дух и горячих сцен, которые заставляют краснеть. Она живет со своей семьей недалеко от Далласа, штат Техас. В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-250733-5

© Бриджес М., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Примечание автора	6
Глава 1. Ксавье	8
Глава 2. Ксавье	12
Глава 3. Делайла	15
Глава 4. Делайла	19
Глава 5. Ксавье	23
Глава 6. Ксавье	26
Глава 7. Делайла	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Морган Бриджес

Жестокое общество

Morgan Bridges

VICIOUS SOCIETY

Copyright © 2024 Building Bridges Publishing Book cover by Silviya Andreeva of DARK
IMAGINARIUM DESIGN Ltd

© Кульницкая В., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*Для тех читателей, кто без ума от темных личностей. В этой
книге Ксавье творит кое-что сомнительное с точки зрения морали.*

Примечание автора

Список триггеров вы найдете на моем сайте: <https://www.authormbridges.com/>
Добро пожаловать на Темную Сторону!

Глава 1. Ксавье

– *Ксавье!* – сдавленно шепчет Делайла.

А после наступает мучительная тишина. Зато инстинкты мои орут во все горло. Требуют броситься к ней и зажать рану на животе.

Жизнь ей спасти.

Да и себе тоже. Ведь если она умрет, я выдерну нож из ее тела и воткну себе в глотку. На хрена мне оставаться в мире, где нет ее?

Главы семей основателей смотрят на нас с извращенным интересом. Их глаза жестоко сверкают сквозь прорези масок. Почему они молчат? Это, типа, одобрение? Или Испытание продолжается, и они смотрят, как яотреагирую на то, что Делайла истекает кровью у меня на глазах?

Если они в ближайшее время не благословят меня, я точно провалю экзамен. Лучше пусть меня накажут, чем она умрет у меня на глазах.

Продолжая краем глаза наблюдать за своей невестой, я оборачиваюсь к ним. Делайла сжимает рукоять ножа, а я стискиваю зубы, отлично зная по опыту, как ей сейчас больно.

Моя девочка со стоном выдирает клинок из живота, грудь ее бурно вздымается. Из раны хлещет кровь. И у меня невольно дергается глаз.

– Неплохо, но есть к чему стремиться, – говорит она, разглядывая рану.

Голос у нее слабый, измученный, но в нем чувствуется твердость и то внутреннее пламя, что я обожаю. Те же слова я сказал ей три года назад, когда она пырнула меня ножом. Будь это при других обстоятельствах, когда ее жизни не грозила бы опасность, у меня бы точно сейчас встал.

Не дожидаясь ответа, она отбрасывает нож в сторону, как ненужную железяку. Он со стуком приземляется на деревянную платформу, разрушая повисшее в воздухе напряжение. Делайла с легким стоном делает шаг вперед, прикрывая руками живот.

Усилием воли заставляю себя оставаться на месте. Если я хочу защитить ее, нужно сохранять стойкость, даже если у меня сердце разрывается от того, как ей больно. Но стоит ей, охнув, упасть на колени, как вся моя стратегия летит к чертям, и меня охватывает неподдельная паника.

– Моей невесте необходима медицинская помощь, – произношу я максимально спокойно. Насколько получается. – Если она не выживет, мне придется вернуться к целибату, а эта перспектива меня не прельщает.

Главы семей никак не реагируют на едкое замечание. Сердце, и без того колотившееся в груди, ускоряет бег. Кошусь на Делайлу, она смотрит в пустоту, потом глаза ее закрываются, и она валится на бок. Голова с глухим стуком бьется о платформу, и я жду, что она охнет или выругается себе под нос. Но она лежит безмолвно, и я умираю от ужаса.

Неужели я попал в артерию?

Конечно, я бью без промаха, точнее, чем любой другой рекрут, но это не значит, что я не мог нанести ей смертельную рану. Если она умрет по моей вине...

Я разворачиваюсь к невесте.

Да пошли вы все на хрен!

– Не двигайся, рекрут!

Резко останавливаюсь и, обернувшись через плечо, вижу, что за мной наблюдает Дэниел Кент, глава медицинской империи. Его властный взгляд требует подчиниться. Но я, не поддаваясь, шиплю сквозь зубы:

– Она умирает.

– Мы знаем.

Я стою на месте, стараясь унять бурлящую внутри панику. Однако же она все нарастает, еще секунда, и я сорвусь.

– Да на хрена вам все это? – Он не отвечает, и я продолжаю: – Сделайте что-нибудь, или я сам этим займусь.

Кент смотрит сурово, властно и укоряюще.

– Это угроза, рекрут?

– Нет, это факт. Она моя собственность, и мне решать, будет она жить или умрет.

Он пристально смотрит на меня, выискивая что-то в моих глазах. Неповиновение? Решимость? Страх? Я же стою, опустив руки, и равнодушно таращусь на него. Чего бы он ни искал в моем взгляде, черта с два он это найдет.

Есть, правда, вероятность, что я *уже* показал им: Делайла – мое слабое место.

Понемногу сходя с ума, пытаюсь осознать, что это я такое сейчас ляпнул. Мое заявление могут посчитать попыткой бунта или проявлением неуважения, я ведь бросил вызов командованию и устоям. Однако, возможно, в нем увидят демонстрацию силы, ведь будущему лидеру положено нести ответственность за то, что ему доверили.

Нужно найти баланс между соблюдением субординации и проявлением инициативы.

– Ты прошел Испытание, рекрут, – наконец произносит Кент. – Верность доказана поцелуем клинка.

– В глубокой тени рождены наши клятвы, – негромким гулом вторят ему другие лидеры.

Я склоняю голову не только в знак уважения, но и чтобы никто не заметил написанного у меня на лице облегчения. И, уже взяв себя в руки, поднимаю глаза на Кента.

– *Votum meum tibi*¹, – бездумно цежу проклятые слова.

¹ Мой обет тебе (лат.). (Прим. авт.)

В последний раз я произносил их, чтобы позлить отца. Но сейчас я что угодно скажу, лишь бы командующие не догадались, как много для меня значит маленький ястреб.

Кент, видимо, слегка расслабляется и кивает:

– *Votum tuum receptum est*².

Я едва сдерживаюсь, чтобы не броситься к Делайле со всех ног. Шагаю неспешно, поднимаюсь на помост и опускаюсь на колени рядом с ней. Руки, обычно крепкие и уверенные, дрожат, когда я поднимаю с половиц нож, еще выпачканный ее кровью.

Моя невеста моргает, постепенно приходя в сознание. Рассеянно смотрит в пустоту – сразу видно, что ее одолевают боль и чувства, которые мне не хочется признавать.

– Не шевелись, – прошу я.

– Когда ты в последний раз такое сказал, мне это вышло боком, – произносит она язвительно.

И пускай голос ее слаб, мне все равно хочется улыбнуться.

– Держись, маленький ястреб, – шепчу я, не желая, чтобы меня услышали командующие.

Делайла такая бледная, такая хрупкая, что страх пробирается в каждую клеточку моего тела. Глубоко вдыхаю, чтобы руки перестали трястись, отрезаю полоску ткани от ее платья и бинтую все еще сильно кровоточащую рану.

Действую быстро и точно, обматываю тканью ее талию и затягиваю повязку, чтобы кровотечение остановилось. Каждая секунда тянется как вечность. Делайла судорожно шипит, и мне от этих звуков больнее, чем от удара клинка.

Аккуратно поднимаю ее на руки. Ахнув, она замирает в моих объятиях, я ступаю на лестницу, и она вся сжимается. Сначала шагаю неторопливо, но, убедившись, что лидеры нас больше не видят, срываюсь с места и несусь в медпункт университета.

Шеи касается дыхание Делайлы, поверхностное, неровное – от этого в кровь выбрасывается адреналин, и меня начинает бить дрожь. Каждым вздохом она словно мантру шепчет: спаси меня. Я не имею права ее подвести.

Коридоры замка так и мелькают перед глазами, и наконец я вижу приемную, а в ней дежурного врача. Еще один представитель рода Кент – ворон, который «заработал» крылья шесть лет назад. Захожу и кладу Делайлу на один из смотровых столов. Доктор хмурится.

– Ее ранили ножом, – объясняю ему и, встретившись с ним взглядом, предупреждаю: – Если она умрет – умрешь и ты.

Но врача моя угроза не пугает. Он, прищурившись, внимательно разглядывает Делайлу. Руки у него не дрожат, не то что у меня; он внимательно осматривает пациентку и мгновенно дает оценку ее состоянию.

Потом командует:

– Отойдите, пожалуйста.

Произносит он это так уверенно и спокойно, что паника отступает. Я делаю шаг назад, он же снимает повязку с живота Делайлы. Делает все очень тщательно и методично.

– Она потеряла много крови, но лезвие не задело жизненно важные органы. Нужно срочно остановить кровотечение и зашить рану.

– Делайте все, что нужно – говорю я.

– Я не разрешения спрашиваю, а ставлю в известность, – отвечает доктор Кент и обращается к ассистенту, который как раз только что зашел в смотровую. – Подготовьте ее к операции.

– Да, сэр, – отвечает молодой парень.

– Сколько времени это займет? – спрашиваю, скрестив руки на груди.

Доктор Кент смотрит мне прямо в глаза.

² Твой обет принят (лат.). (Прим. авт.)

– Сколько потребуется, рекрут. Слушай, я не впервые в жизни ножевую рану зашиваю. Все будет нормально.

Коротко киваю. Наверное, самое трудное для меня в этой жизни – признать, что в определенном деле кто-то может разбираться лучше меня. Врач может спасти Делайлу, а мне это не по силам. Хоть мне и хочется броситься на любого, кто прикоснется к ней, сейчас это единственный способ сохранить ей жизнь.

Глава 2. Ксавье

В руках доктора Кента сейчас весь мой мир.

Я меряю шагами пол приемного покоя, такой же холодный, как маска, которую я нацепил на лицо. Врач обещал, что все будет хорошо, но воспоминания о том, как Делайла без сознания недвижимо лежит на помосте, терзают мой разум, как стая голодных собак, не давая мыслить здраво.

Только этим и могу объяснить, почему я вздумал угрожать доктору Кенту. От страха потерять Делайлу я перестал себя контролировать. Если он доложит о моем поведении совету, мне крышка.

Правда, если она умрет, будет уже все равно.

Кошусь на закрытую дверь в операционную. Вытираю о брюки влажные от пота ладони и напоминаю себе, что, если ворвусь туда, врач может допустить роковую ошибку. Как ни хочется мне убедиться, что с ней все в порядке, нельзя рисковать ее жизнью.

Вокруг тихо, если не считать, что вдалеке звякают медицинские инструменты и раздаются приглушенные голоса персонала. Ноги начинает сводить судорогой, и я наконец опускаюсь на стул, который трещит подо мной.

Ужас, как мучительно ждать! Хуже пыток, которым подвергал меня в детстве отец.

Невольно вспоминаются туннели под университетом – безмолвные темные лабиринты. Сколько часов я провел там, ведомый одним лишь страхом?

Отец считал, что научить чему-то можно только через боль и страдания.

В первый раз он завел меня в туннель еще мальчишкой, вручил фонарик и приказал: «Если хочешь увидеть мать, найди выход».

Впрочем, вскоре эта мотивация перестала работать.

В подземелье я привык не бояться неизвестности и не раз доказывал отцу, что страхом меня не сломить. Эхо прошлого вторит тревогам настоящего. Однако ждать здесь, перед дверью в операционную, намного мучительнее, мне это не по силам.

Чувство абсолютной беспомощности вот-вот раздавит меня.

Я снова встаю: внутри так все бурлит, что я не могу просто сидеть на стуле. Время будто растягивается, каждая следующая секунда длится дольше предыдущей. Сжимаю кулаки так, что костяшки белеют, а руки начинают дрожать. Врач говорил так уверенно, это должно было бы успокоить меня, но почему-то не успокоило.

Я слишком боюсь потерять Делайлу.

Наконец дверь открывается, и выходит доктор Кент, стягивая с лица хирургическую маску. Я сверлю его взглядом, пытаюсь разглядеть по выражению лица хоть малейший намек на то, как все прошло. Сердце в груди сжимается.

– Состояние стабильное, – объявляет врач. – Она молода, быстро восстановится. Но нужно понаблюдать, оставим ее на ночь, а может, и на дольше. Нужно убедиться, что опасность миновала. Понятно, рекрут?

Я киваю, не в силах вымолвить ни слова. Облегчение обрушивается волной, движения становятся неловкими, мысли путаются.

Доктор Кент чуть склоняет голову, оценивающе глядя на меня:

– Можешь зайти к ней, но она пока под наркозом. Будить не надо, она должна сама прийти в себя. Мы вкололи ей обезболивающее, скорее всего она еще несколько часов будет спать.

– Мне нужно быть рядом, когда она откроет глаза.

Нужно убедиться, ненавидит она меня или нет. Потерял ли я ее навсегда или есть надежда.

– Может, тебе лучше поспать? – пожимает плечами врач. – Я позвоню, как только что-то изменится.

– Нет. Я не уйду, пока она не придет в себя.

– Как хочешь, – отвечает он. – Подожди здесь, ее скоро перевезут в палату интенсивной терапии. Нельзя держать пациентов в операционной слишком долго, никогда не знаешь, как скоро она понадобится очередному рекруту.

– Понимаю.

Он уходит, и тут на меня наваливается усталость, пробирая до самых костей. Но даже она не заставит меня покинуть Делайлу. Если потребуется, буду спать на полу у нее в палате.

Стучу по полу ногой в такт бешено несущемуся сердцу. Мне просто необходимо увидеть ее. Возможно, тогда я снова смогу дышать.

В соседнем помещении раздаются голоса, и я мгновенно оборачиваюсь на дверь. Вскоре из операционной вывозят каталку. На ней Делайла – белее простыни, которой ее накрыли.

Медленно выдыхаю, чтобы справиться с напряжением, сковавшим меня при виде ее такой слабой. Чтобы не броситься к ней. Мне ужасно хочется подхватить ее на руки, но сейчас я не смогу ей помочь.

Медбрат, настороженно косясь на меня, везет каталку с моей невестой в палату. Добравшись до койки, собирается переложить ее на постель.

– Не трогай, – приказываю я, голосом давая понять, что, не послушавшись, он подпишет себе смертный приговор. – Я сам.

Медбрат нерешительно смотрит на меня, но все же отступает. Я подхватываю Делайлу под спину и колени и осторожно прижимаю к себе. Держать ее в объятиях – чистая эйфория, я едва не начинаю охать, как жалкий идиот.

Под взглядом медбрата укладываю свою невесту на кровать, накрываю одеялом и аккуратно подтыкаю края. Делайла сейчас такая крошечная и хрупкая, что у меня внутри все сжимается.

– Я скоро зайду, проверю, как она, – предупреждает медбрат.

Я киваю и снова смотрю на Делайлу. Она все еще спит, лицо у нее очень спокойное, а дыхание ровное. Приборы негромко пищат, напоминая, что она не просто отдыхает, а восстанавливается после ранения.

Поймет ли она, что у меня не было другого выхода? Что я метнул в нее нож, чтобы спасти ей жизнь?

Прощение Делайлы нужно мне не меньше, чем ее любовь и преданность. Если она до сих пор не поняла, что я на все пойду, лишь бы этого добиться, то скоро поймет. Даже если все будет против меня, я не сдамся. Поступай я иначе, меня бы уже давно не было на свете.

Моя решимость завоевать ее так же тверда и незыблема, как бриллиант в кольце, которое я надену ей на палец.

Однажды. После Испытаний.

Опускаюсь в кресло возле ее кровати и смотрю, как мерно вздымается ее грудь. От этого слегка успокаиваюсь и расслабляюсь. Беру ее руку, такую мягкую и нежную, и прижимаюсь к запястью губами.

– Tibi semper sum³.

³ Я твой навсегда (лат.).

Глава 3. Делайла

Вот же срань господня!

Ощущение, будто кто-то переехал меня на фуре, потом дал заднюю и переехал еще раз. Да еще и жгутом все тело обмотал, передавив кровоток. Веки такие тяжелые, что глаза не открываются. Мне все же с трудом удастся их разлепить, и комната поначалу расплывается, но вскоре у меня получается сфокусировать зрение.

И я тут же вижу его. Ксавье.

Он сидит у кровати и сжимает мою руку, будто боится, что я исчезну. Напряженный весь, лицо заострилось, а что за эмоции оно выражает, я никак не пойму. Участие? Чувство вины? Или просто усталость? Если судить по тому, как ярко светит за окном солнце, прошло несколько часов.

С тех пор, как он попытался меня убить.

В голове оживают воспоминания минувшей ночи: как меня вывели на крышу и затащили на помост. Стоящие кружком члены Ордена Обсидиана. Протыкающий кожу нож.

За что?

Вопрос стучит в висках, поднимая внутри вихрь из растерянности, ощущения, что меня предали, и странного облегчения от того, что он рядом. Ксавье метнул в меня нож, и все же он здесь и смотрит так, что в его преданности не остается сомнения. Судя по тому, что он во вчерашней одежде, а под глазами у него залегли черные круги, он отсюда не уходил.

Мы встречаемся глазами, и я хватаю ртом воздух, тщетно пытаюсь побороть разливающееся по венам напряжение.

– Ты пришла в себя, – произносит он.

Его голос обрушивается на меня приливной волной, смывая страх и оставляя лишь раздражение. Если бы Ксавье хотел меня убить, он сделал бы это, пока я была без сознания.

– За что? – это единственное, что мне удастся выдохнуть.

В груди такая тяжесть, что я едва это выдавливаю.

Лицо Ксавье болезненно искажается, но взгляда он не отводит. Затем берет себя в руки и натягивает на лицо настороженно-невозмутимое выражение. И говорить начинает тоже невозмутимо:

– Мне пришлось.

– Есть к чему стремиться, Ксавье.

– Только так я мог тебя защитить.

Он пристально смотрит на меня, пытаюсь разглядеть в моих глазах понимание, но там его нет.

Я выдергиваю руку из его пальцев.

– Чушь. Каким это образом можно защитить человека, метнув в него нож?

– Если бы я его не метнул, они бы тебя убили.

Он склоняется ближе, и аромат его тела окутывает меня нежеланным объятием. Заставляет легкие сжиматься. Стараюсь дышать поверхностно и не обращать внимания, как торопливо бьется от его близости сердце.

– Это было первое Испытание, – объясняет он. – У меня не было выбора.

– Выбор есть всегда.

– Не тот, на который я мог бы пойти.

– В смысле? – хмурюсь я.

Он отводит взгляд, и молчание пропастью раскидывается между нами. Мне ее не преодолеть, да и не очень-то хочется. Встречаться с этим парнем – огромный риск, и рискую я не только благополучием, но и сердцем.

– Ксавье, скажи, – мягко прошу я.

Он смотрит на меня виновато – разве убийца способен испытывать такие эмоции? Никогда еще он не выглядел настолько... человеком.

– Они знают, – тихо произносит он, будто признаваясь в смертном грехе.

– Кто?

– Все. Главы семей основателей знают, как я к тебе отношусь. Иначе они не пытались бы использовать тебя как оружие против меня. Они так меня проверяли. Если бы я не метнул в тебя нож, они бы тебя убили. Сразу поняли бы, что я предан не Ордену. А тебе.

– Это правда?

– А ты как думаешь? – хмурится он.

– Я в больнице с ножевым ранением. Уже не знаю, что и думать. В последний раз, когда мы виделись, ты был такой... холодный и отстраненный.

– Мне нужно было делать вид, будто меня не волнует, как тебе больно.

– А на самом деле это не так?

Он вскакивает, сжав кулаки.

– Да меня это пипец как волнует! Когда я увидел, что тебя притащили туда и привязали к столбу... А потом что ты ранена... – Он на мгновение прикрывает глаза, болезненно сморщившись. – Никогда бы не пожелал такого повторять. Да и не смог бы.

Смотрю на него, а мозг так и кипит. Ксавье клянется, что я ему небезразлична. Лишь потому, что в глазах Ордена я его невеста? Его собственность? Или между нами есть нечто более важное, чем все эти тайные общества?

– Хоть бы предупредил, – бурчу я.

– Я не знал, что они задумали, пока не увидел тебя на крыше, – он скрещивает руки на широкой груди. – Как им удалось вытащить тебя из комнаты? Они могли добраться до тебя, только если ты сама открыла им дверь.

Я замираю. Этого я точно не хочу ему говорить. Потому что им удалось связать меня и заткнуть мне рот кляпом по единственной причине: человек, постучавший в мою дверь, сказал – если я не приду, Ксавье прикончат. Этого хватило, чтобы я послушалась и открыла ему.

Может, не только Ксавье вчера ночью устраивали проверку на преданность?

– Устала, – наконец произношу я в надежде сменить тему.

– Поспи, – говорит он, не сводя с меня глаз.

И я покорно закрываю глаза. Ксавье снова садится в кресло и со скрипом придвигается вместе с ним ближе к постели. Уходить он никуда не собирается.

– Ты не обязан тут сидеть и пялиться на меня, – напоминаю я. – Не сомневаюсь, что медсестры со всем справятся и без твоего надзора.

– Ни за что.

Пожав плечами, я аккуратно перекатываюсь на бок спиной к нему. Во всех остальных позах мне придется на него смотреть.

– Делайла?

– М-м-м...

– Я рад, что ты не умерла, – мягко подразнивает меня он.

И я невольно улыбаюсь.

– Я тоже рада, что ты жив.

* * *

Просыпаюсь я от скрипа двери. В палате уже темно. Я лежу на спине, словно придавленная утяжеленным одеялом. Впрочем, меня так накачали обезболивающими, что я почти ничего не чувствую. Вот бы таблетки могли так же легко прояснить хаос в голове.

– Лайла?

Слышу голос Бена, и в нем столько тревоги, что я вся ежусь. Хочется окликнуть его, но все это так неловко. У меня нет сил сейчас его успокаивать. Да и в любом случае, что я могу ему сказать?

Все чики-пики, Ксавье пырнул меня ножом, но он это не нарочно?

Пытаюсь собраться с силами и повернуться к нему, но тут Ксавье рявкает приказным тоном:

– Маккензи, ей нужно отдохнуть. Сейчас не время!

Еще секунду назад все было спокойно, а сейчас в воздухе повисает напряжение. Мне вроде как и хочется вмешаться, и в то же время не терпится послушать, что они друг другу наговорят, если будут думать, что я сплю.

Боже, какая же я любопытная зараза!

– Я просто хотел узнать, как она, Икс. Вот и все.

Бен говорит спокойно, но в тоне его слышится плохо скрытая злость. Если он начнет задирать Ксавье, мне придется вмешаться.

Ох уж эти мальчишки со своим тестостероном... Легендарный гормон, причина практически всех творимых на земле глупостей.

– С ней все в порядке, – резко отвечает Ксавье. – Но ты ей сейчас не нужен. Она и так натерпелась, не хватало еще на тебя силы тратить.

– Силы тратить? – Бен неверяще усмехается. И в усмешке его сквозит горечь. – Это ты про меня? А натерпелась она – это в смысле ты в нее нож метнул?

Обвинение повисает в воздухе. Стараюсь глубоко дышать, чтобы справиться с паникой. Они ведь не убьют друг друга... Им нельзя. Наверное...

– Как ты узнал? – спрашивает Ксавье. – Тебя там не было.

– Ты не единственный, кто прошел первое Испытание.

– И какую же цель Орден дал тебе?

По комнате расплзается густая как туман тишина. Жду, что скажет Бен, в надежде лучше понять, что произошло. А может, мне просто хочется узнать, что ему пришлось пережить. В конце концов, он ведь брат мне.

– Девушку, с которой я встречался в прошлом году.

– И?

– Что и? – выдыхает Бен. – Ты и сам прекрасно знаешь, Икс.

Приоткрыв глаза, смотрю на него из-под ресниц. Лицо у Бена измученное, он определенно сейчас ненавидит себя. Мне так больно видеть его таким, что я снова зажимаюсь.

– Нет, не знаю, Маккензи. Прежде чем обвинять меня, может, поделишься тем, что сам натворил?

– Я не хотел этого делать. – Бен долго молчит, но в итоге признается: – Я убил ее.

– Почему? – спокойно спрашивает Ксавье.

Очень спокойно, без осуждения, а я вся застываю от ужаса. Я знала, что они оба убийцы, что им уже приходилось убивать людей, но услышать, как Бен произносит это вслух... Наверное, даже если мне доведется сотню раз это пережить, все равно будет тошно.

– Не мог понять, чего от меня хочет Орден, – объясняет Бен. – Ясно было, что это испытание на верность, но насколько далеко я должен был зайти? Засчитают ли мне Испытание, если я просто раню ее? Или я должен убить ее без колебаний? – он глухо стонет, закрывая лицо руками. – Я не мог провалить Испытания.

– Полагаю, ты их и не провалил.

– Не провалил, – с отвращением произносит Бен. – Но стоили ли они ее жизни? Меня всегда будет мучить этот вопрос.

– Тогда ты прекрасно понимаешь ситуацию, – замечает Ксавье. – Я метнул нож в Делайлу, чтобы защитить ее. Иначе они бы ее убили.

– Скорее всего, ты прав. Просто мне невыносимо видеть ее в таком состоянии, – потерянно вздыхает Бен. – Можно было найти другой выход.

– Орден не принимает никаких «других выходов», только те, что одобрил сам, – фыркает Ксавье. – Тебе это отлично известно, Маккензи.

– Ты прошел Испытание?

– Да.

– Выходит, я ублюдок. Достаточно было просто ранить девушку, а я ее убил.

Мне прямо дышать трудно от повисших в воздухе недосказанностей и намеков. Интересно, конечно, было бы узнать, через что этим двоим пришлось пройти, но я понимаю, их общие тайны мне никогда не постичь и, что важнее, не оправдать. Остается только молча наблюдать за их внутренней борьбой и надеяться, что однажды я смогу скрыться от лап Ордена.

– Слушай, – твердо произносит Ксавье, – никто из нас до конца не знает, в какие сраные игры играет Орден, и уж точно никому не известно, как в них победить. Остается лишь принять решение и надеяться, что оно не сведет тебя в могилу.

– Нельзя было впутывать в это Делайлу.

– Сам знаешь, если бы Орден не сделал ее моей целью, так сделал бы твоей.

Бен тяжело выдыхает:

– Скорее всего, ты прав. Она была обречена с того дня, как мы встретились. Какая ирония, ведь это я всегда ее защищал. А теперь это твоя обязанность. Просто... присмотри за ней, ладно? Она значит для меня больше, чем ты думаешь, Икс.

– Знаю. Для меня она тоже все на свете, – едва слышно отзывается Ксавье.

Глава 4. Делайла

Ксавье хуже тени. Та хоть после заката от тебя отстает, а он нет. Слава богу, хотя бы принял в палате душ и попросил Деклана занести ему чистую одежду.

Я стараюсь побольше спать, чтобы с ним не общаться, но вечно так отмазываться не выйдет. Рано или поздно он спросит, как я попала в лапы Ордена и оказалась ночью на крыше. И придется признать, что, когда дело касается его, у меня мозги отшибает.

– Как себя чувствуешь? – он берет меня за руку и заглядывает в глаза.

– Как будто в меня метнули нож, – надуваюсь я.

– Болит где-нибудь? – он напрочь игнорирует мой выпад.

– Ноет, но не сильно.

Он вздыхает с облегчением.

– Здорово. Не хочу, чтобы тебе было неприятно.

– Извиниться тоже не помешало бы, – бурчу я.

Он крепче сжимает мне руку.

– Не стану извиняться за то, что спас тебе жизнь.

– Seriously?

– Seriously, – кивает он, подчеркивая, что вовсе не шутит. – Я метну в тебя нож, выстрелю, ударю, что угодно сделаю, если от этого будет зависеть твоя жизнь.

– Ну охренеть теперь.

Он раздраженно выдыхает.

– Можешь считать, что я злодей, а можешь видеть во мне своего защитника. Как хочешь, я в любом случае буду тебя охранять.

– Охранять, – фыркаю я и выдираю у него руку.

Он медленно поднимается со стула, наклоняется и берет меня за подбородок. Приподнимает мне голову и заставляет встретиться с ним взглядом.

Я смотрю вызывающе.

Он – решительно.

– О да, моя будущая невеста. Ты моя. Я могу тебя трогать. Могу трахать. И могу... – помолчав, он качает головой, – охранять тебя. Все это – моя забота.

Сердце в груди начинает биться сильнее.

– Это предложение?

– Нет, констатация факта.

– Но я не давала согласия.

Он наклоняется так близко, что я ощущаю его дыхание на своих губах и вижу, как блестят его глаза.

– А я и не спрашивал, невеста моя.

Он смотрит на меня яростно и собственнически. Мне не по себе от этого взгляда и в то же время меня снедает желание.

Ксавье усмехается уголком рта.

– Что-то я не слышу возражений...

Мне инстинктивно хочется спорить с ним, защищаться, но тело воспринимает его слова как соблазнительное обещание. Почему-то рядом с ним я ощущаю себя в безопасности, а я ведь в своей полной тревог жизни только об этом и мечтала.

Только вот Ксавье Донован меня не любит. По крайней мере, не испытывает ко мне тех чувств, которые постепенно просыпаются у меня к нему. Это так глупо – отдать свое сердце убийце. Его жизнь не просто полна опасностей, он сам – воплощенная опасность.

– Не очень-то романтично, – мне удается произнести это лишь шепотом, и от того сарказм выходит какой-то неубедительный.

– Но я хочу дать тебе нечто большее, чем романтика. Нечто более глубокое, чем любые слова.

Кусаю губы, чтобы не вывалить все, что у меня на душе. От его признания у меня в животе вспыхивает пламя, но я не уверена, что он способен на нежность. Одержимость? Безусловно. Но что-то настолько чистое и бескорыстное, как любовь? Он хоть вообще знает, что это такое?

– Ты единственная женщина, которая будет носить мою фамилию. Единственная женщина, что родит мне детей. Единственная, кому я буду предан навеки.

Он произносит это решительно и смотрит на меня твердо. Прямо чувствуется, какие в нем кипят сила и решимость. Так и хочется отдаться этому безумию, позволить бездне поглотить меня.

В этот момент в дверь негромко стучат, и я словно вынырываю из сна.

В палату входит врач. Он смотрит то на меня, то на Ксавье.

– Не хотел мешать, но мне нужно обсудить с вами лечение.

Ксавье выпускает мой подбородок, выпрямляется и скрещивает руки на груди.

Лицо у меня все еще горит, а ладони влажные от его признаний. Он же на вид совершенно спокоен, в глазах светится лишь легкое любопытство.

Доктор медленно подходит к кровати с планшетом в руках.

– Прежде всего, крайне важно, чтобы рана оставалась чистой и сухой. Опаснее всего, если начнется инфекция.

Сверившись с моей карточкой, он продолжает:

– Нужно дважды в день промывать область вокруг раны водой и мягким мылом. Не использовать спиртосодержащие вещества, так как они могут замедлить процесс выздоровле-

ния. Промыв рану, смазывайте ее тонким слоем мази с антибиотиком и накладывайте стерильную повязку.

– А в душ когда можно будет? – спрашиваю я.

– После операции прошло уже почти сорок восемь часов, так что сегодня.

Ксавье кивает, не сводя глаз с доктора.

– А обезболивающие?

– Я пропишу их вместе с мазью и бинтами. Придется временно ограничить физическую активность, – говорит доктор, пристально глядя на Ксавье, и я вспыхиваю. – Я серьезно. Никаких интенсивных нагрузок, рекрут.

Врач не отводит глаз от Ксавье, пока тот не кивает.

– Я с первого раза понял.

– Прекрасно, – он оборачивается ко мне. – Вы молодая, пару дней отдыха, и все будет в порядке. Если что-то понадобится, сразу обращайтесь.

– Спасибо, – отзываюсь я.

– Сейчас медсестра принесет медикаменты, и можете идти, – кивает мне врач.

Стоит ему выйти, как я, поморщившись, сажусь в постели и спускаю ноги на пол. Но встать не успеваю, Ксавье аккуратно берет меня за плечо, не давая пошевелиться.

– Давай я, – мягко, но безапелляционно говорит он. – Не будем рисковать твоим здоровьем.

– Но я сама могу. – Стараюсь не обращать внимания на боль в животе. – Доктор же не запрещал мне двигаться, просто сказал ограничить нагрузки.

– Я позабочусь о тебе, хочешь ты того или нет, – качает головой Ксавье.

– Я понимаю, что ты чувствуешь себя ответственным за мое здоровье, – закатываю глаза я. – Но не стоит надо мной кудахтать. Я всю жизнь сама о себе заботилась.

– Но в день, когда мы встретились, это изменилось.

– Это в каком смысле? – понизив голос, спрашиваю я, искоса поглядывая на дверь на случай, если войдет медсестра. – Ты про Фрэнка или было что-то еще?

На секунду всегда невозмутимое лицо Ксавье искажается, будто он не уверен, стоит ли отвечать.

– С той ночи я приглядывал за тобой, хотел точно знать, что тебе ничто не угрожает. Следил за каждым, кто мог бы стать угрозой. Тебе или мне.

– А тебе-то в каком смысле? – изумленно вскидываю брови я. – Ничего не понимаю.

– Все просто: если кто-то хочет тебя, я убираю его из твоей жизни. Не считая Маккензи, но только потому, что ты расстроишься, если с ним что-то случится. – Ксавье выдыхает. – Однако он уже испытывает мое терпение.

Хорошо, что я сижу, не то еще шлепнулась бы на пол. Мозг лихорадочно работает, пытаюсь осознать, что означает это признание. И внезапно все детали складываются в картину, которую мне не очень-то хочется рассматривать.

– В смысле, ты?... Мешал мне строить личную жизнь? Мне показалось, что ты именно это имел в виду.

Ксавье не возражает, и я смотрю на него убийственным взглядом. Раздражение моментально вскипает внутри, сдерживаться я не могу и выпаливаю:

– А я-то голову ломала, что со мной не так! Все гадала, почему ни один парень мной не заинтересовался, а оказывается, я тут была вообще ни при чем. Это из-за тебя я чувствовала себя некрасивой и нежеланной!

Теперь все становится на свои места.

«Вот что я защищал три года. Вот чего ждал. Вот чем я ни за что не поделюсь».

Вцепляюсь в простыню так, что дрожат руки, поверить не могу в то, что узнала, внутри бурлит водоворот эмоций. Противоречивых эмоций. Не знаю, что сказать, не знаю, что думать. Оказывается, я никогда не была непривлекательной.

Наоборот, Ксавье так заикнулся на мне, что приложил все усилия, чтобы я не встречалась с кем-то другим. И в будущем будет делать то же самое.

– Это *моя* жизнь, – наконец выдаю я. – Ты не можешь диктовать мне, что делать, и принимать решения за меня.

Он смотрит на меня, не моргая, и отвечает так просто, будто это совершенно естественно:

– Могу. Я дам тебе все, что ты попросишь. Но не стану извиняться за то, что не позволил тебе быть с каким-то уродом, который тебя недостойн. За то, что благодаря мне ты встречаешься с тем, кто готов за тебя убить. И умереть.

– Как ты можешь знать, чего я хочу, если даже с моими чувствами считаться не желаешь?

– Потому что твои чувства принадлежат мне, как и все остальное.

Я отшатыриваюсь и вздергиваю подбородок, но Ксавье мгновенно кладет руку мне на шею. Наклоняется так, что его губы почти касаются моих, и произносит, с каждым словом крепче сжимая пальцы:

– Ты полюбишь меня, Делайла. Ничего другого я от этой жизни не приму.

Комната словно сжимается, стены надвигаются на меня, мне не хватает дыхания от его наглости. И решимости. Ярость и нежность разрывают меня на части, и мне хочется кричать.

Как можно быть с человеком, который безжалостно отнимает у тебя свободу и в то же время обещает тебе весь мир?

Я схожу с ума.

Дверь открывается, но Ксавье, как ни странно, не отпускает меня. Наоборот, удерживает, наплевав на то, что в комнате посторонние.

– Мы не закончили, маленький ястреб, – говорит он, твердо смотрит на меня, потом оборачивается к медсестре и протягивает руку. – Давайте лекарства, мы уходим.

Глава 5. Ксавье

Я несколько дней не спал. И, кажется, не особо дышал с тех пор, как два дня назад увидел Делайлу на крыше замка. Эта девчонка меня прикончит.

Но она того стоит.

Наконец мы заходим в мою комнату, дверь захлопывается за нами, и мне становится легче. Теперь Делайла в безопасности, но я все еще не решаюсь опустить ее на пол. Она же, лежа в моих объятиях, всеми силами старается отгородиться от меня эмоционально, но долго это не продлится.

Я об этом позабочусь.

Я аккуратно сажаю ее на край кровати, но не спешу отпускать, наслаждаясь прикосновениями к ее телу. Она морщится, но я-то чувствую, как ускоряется у нее на шее пульс. Ускоряется от моего прикосновения. И от этого член у меня сразу упирается в молнию.

Пусть только поправится, я затрахую ее до полусмерти.

Я бы все отдал, чтобы войти в нее и забыть у нее внутри об ужасе Испытания, но пока нельзя. Поэтому я опускаюсь на колени, по одному стягиваю с нее больничные носки, аккуратно, чтобы, не дай бог, не сделать больно. Она молчит, даже спасибо не говорит.

Эта девчонка вечно задает миллион вопросов и бросает колкости. Но сейчас она вся ушла в свои мысли, и там мне до нее не добраться. Не выношу этого!

Дышит она неровно и так вцепилась в простыню, что побелели костяшки. Поднимаю глаза, думая, что наткнулся на ненавидящий взгляд, но она смотрит в пустоту. Злится? Или ей больно?

Все еще стоя перед ней на коленях, я беру ее за руку в ужасе от того, что она может страдать.

– Эй...

– Что? – она моргает и переводит взгляд на меня.

– Поговори со мной, – негромко и ласково произношу я.

Словно успокаиваю готового наброситься на меня дикого зверя.

Она сглатывает, и я не могу оторвать глаз от движения ее горла. Оно такое женственное, такое изящное.

Медленно поднимаюсь на ноги, провожу большим пальцем по ее подбородку, в очередной раз поражаясь, какая нежная у нее кожа. Неужели я никогда к этому не привыкну?

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Я знаю, что ты злишься. Скажи, на что именно.

– На твоё поведение. – Она сверлит меня глазами.

– Придется уточнить, – дразню ее я, вспомнив фразу, которую она сама однажды мне сказала.

– Ты психопат.

Меня ее слова не задевают. Она, наверное, ждала другой реакции. Делайла считает, что чувство вины и раскаяние это одно и то же, но я не согласен. Я не стану извиняться за то, что спас ей жизнь, но да, меня каждый раз клещами терзает чувство вины, когда я вспоминаю, что причинил ей боль. Я не хотел клеймить ее и метать в нее нож. Я лишь хотел ее защитить.

– Ты правда так думаешь? – спрашиваю я скорее с любопытством, чем с обидой.

– Да. Нет. Не знаю, – она качает головой и выдыхает. – Ты сложный.

– Это почему?

– Ты метнул в меня нож, а потом сидел у моей постели и сказал, что спас мне жизнь. Ты говоришь Ордену, что я твоя собственность, а обращаешься со мной как с драгоценностью. Ты весь соткан из противоречий.

– Не могу объяснить тебе того, чего и сам не понимаю, – пожимаю плечами я.

До встречи с ней я был жестоким и безжалостным. А теперь? Для нее я готов сделать все, что угодно. Любовь это чертовое безумие!

Почему какое-то чувство заставляет меня поступать так, как я поступаю? Говорить то, что говорю? Никогда не понимал. Знаю одно: никогда ни к одной женщине я не испытывал того, что чувствую к Делайле.

– Неплохо, но есть к чему стремиться, Ксавье.

– Так и должно быть, – она открывает было рот, но я прижимаю палец к ее губам. – Я вижу, что тебе больно. Дать лекарство?

Она кивает, я по глазам понимаю, что ей не по себе. Достая из пакета пузырек с таблетками и наливаю воду в стакан. Она недолго колеблется, а потом проглатывает таблетки.

– Мне надо в душ.

– Одну не пушу.

– Думаю, я справлюсь, – слышу, как участилось ее дыхание.

– Не сомневаюсь.

Кладу руки ей на колени и берусь за подол халата. Задираю его вверх до самой талии. Она краснеет и отворачивается, но меня не смущает ее застенчивость. Моменты, когда она мне подчиняется, заводят не меньше, чем когда она в ярости набрасывается на меня.

Она поднимает руки, и я, ни на мгновение не забывая о ее ране, одним точным движением стягиваю с нее одежду. Повязка такая же белая, как ее кружевные трусики.

Я подцепляю их пальцем, и Делайла прикусывает пухлую нижнюю губу.

– Прекрати, – киваю на ее рот, – ты себе больно сделаешь.

– То есть причинять мне боль только ты можешь?

Едва удерживаю рвущийся из груди смешок.

– Это другое. К тому же доктор запретил тебе физическую активность.

– Вряд ли он имел в виду, что мне нельзя самостоятельно снимать трусы, – бурчит она.

– Не надо со мной воевать, маленький ястреб, – не могу удержаться от улыбки. – Мы же не станем заниматься сексом. Я просто хочу о тебе позаботиться.

– Потому что я твоя невеста? Твоя собственность?

– Нет. Потому что ты – единственный в мире человек, до которого мне есть дело.

Она мгновенно сдувается, как проколотый воздушный шарик, каждая мышца в ее теле расслабляется. Она не двигается, но я чувствую, что она больше не станет сопротивляться.

Стягиваю с нее трусики, и она сама приподнимает бедра. Полоска ткани съезжает с круглой попки, и вот мне уже видна ее киска. Член от такого зрелища дергается и встает еще сильнее.

Стащив кружевную тряпицу вниз по ногам, я встаю и протягиваю ей руку. Делайла ошеломленно смотрит на меня, грудь ее бурно вздымается. Соски у нее затвердели, она такая мокрая, что я даже запах чувствую.

Так мне никакого самообладания не хватит.

Подхватив ее на руки, несу в ванную. Делайла со стоном прячет лицо у меня на груди. Сажаю ее на холодную мраморную стойку, она вздрагивает. Дождавшись, чтобы нагрелась вода, стаскиваю одежду и вношу ее в душ.

– Мне жутко неловко, – бормочет она.

– С чего бы? Ты такая красивая! – изумляюсь я.

– Но ты все увидишь.

– Я и так тебя видел. Забыла?

– Тогда было темно.

– Придется привыкнуть, – опустив Делайлу на пол, я придерживаю ее за талию, а сам тянусь закрыть дверь душевой кабины. – Я часто буду видеть тебя обнаженной. Каждый дюйм твой буду рассматривать. И никому больше не позволю.

– А как же врачи? – надувает губки она.

– Этого я убить был готов, но что делать, он должен был тебя прооперировать.

– Ты абсолютно поехавший.

– Согласен, – ухмыляюсь я. – Это тыводишь меня с ума, – наливаю в ладонь шампунь. – Намочи голову.

Она закатывает глаза, но слушается. Я втираю шампунь ей в волосы, массируя кожу головы и виски. Она негромко стонет. И этот звук отдается мне в кончики пальцев. Член тут же подпрыгивает и упирается ей в поясницу.

– Тебе тоже кое к чему придется привыкнуть, – она нарочно трет своей попкой о мой член. – К тому, что мне запрещена физическая активность.

Так и хочется шлепнуть ее, но вместо этого я берусь за кондиционер для волос. Она расслабляется от моих движений. Я мою ей голову, а сам ругаю себя на чем свет стоит. Вот идиот, думал, что смогу не потерять самообладания.

Поскорее смываю с нее мыло и заворачиваю в полотенце. Теперь хоть не вижу ее голую, но хочу от этого не меньше.

Я за этот вечер точно умом тронусь.

Глава 6. Ксавье

– Ложись, – командую я.

Делайла смотрит на меня, отчаянно вцепившись в полотенце. Будто бы эта тряпка не позволит мне взять то, что и так мое.

– Зачем?

– Осмотрю рану.

Она слушается, но смотрит по-прежнему с недоверием.

– Только ты будешь осторожен?

– Всегда.

– Как ты сказал?

– Всегда, – повторяю я. – А что?

Она делает глубокий вдох.

– Просто мы с Беном так говорили. Когда что-то обещали друг другу.

Искра ревности падает во тьму моей души, воспламеняя навязчивые мысли. Приходится напомнить себе, что ее братца нельзя убивать, если я хочу завоевать ее сердце.

– Если уж ты веришь обещаниям Маккензи, то моим точно должна.

– Давай просто побыстрее покончим с этим, – она закрывает глаза. – Не могу смотреть на рану, меня от этого мутит.

– Я быстро.

Хочет заставить ее доверять мне, как она доверяет Бенджамину, но я понимаю, что на это нужно время. На Испытаниях она мне верила, и я понял, каково это. А сейчас с ума схожу от того, что нужно начинать все сначала.

Осторожно сняв повязку, осматриваю рану. Учитывая все обстоятельства, выглядит неплохо. Швы аккуратные, все чисто. Конечно, шрам останется, но ее красоте он не повредит.

Перевожу взгляд на клеймо на ее плече. Отек еще не сошел, но ожог уже не такой сильный. Я этого не хотел, но не могу отрицать, что зрелище меня заводит. Моя девочка носит на себе первую букву нашей фамилии... От одного взгляда могу кончить.

– О чем ты думаешь? – почти шепотом спрашивает Делайла.

– Выглядит неплохо. Инфекции, похоже, нет.

– Прекрасно, – открыв глаза, она моргает. – Комната будто кружится.

– Это из-за обезболивающих. Лежи смирно, я сменю повязку.

Накладываю слой мази, поверх – чистый бинт. Делайла не сводит с меня глаз, но с каждой минутой ее взгляд все больше туманится.

– Приподнимись, я уберу полотенце, – прошу я.

Она слушается, и я поскорее натягиваю на нее футболку, чтобы прикрыть обнаженное тело. Это не слишком помогает. Ее образ так и маячит перед глазами, не желая исчезать.

– Голодная? – спрашиваю я.

Она отмахивается.

– Немного, но сначала хочу поспать.

Окидываю ее взглядом. Этак я привыкну, что моя девочка может выглядеть так. Вся мягкая, розовая, с мокрыми волосами. Смотрит покорно, глаза затуманены, губы приоткрыты.

– Что ты будешь делать, пока я сплю? – спрашивает она.

– Мастурбировать.

Она смеется.

– Я серьезно!

И я серьезно.

– День и ночь не спускать с тебя глаз.

– Звучит немного жутковато, а, Эдвард Каллен?

– Отдыхай, – улыбаюсь я.

– Ну правда, ты же устал. Наверняка в больнице почти не спал.

– Если ты думаешь, что я мог спать, пока тебя оперировали, ты вообще меня не знаешь.

– Ну а потом, пока я была в палате?

Качаю головой.

– Когда ты чувствуешь себя не на все сто, значит, я на чеку на все сто один. Так вот обстоят дела между нами. А теперь спи.

– Хорошо, папочка.

Делайла со вздохом закрывает глаза.

Пусть я не хотел, чтобы так случилось, но мне нравится заботиться о ней и предвосхищать ее просьбы. Она, конечно, не признается, что ей приятно мое внимание, но блеск глаз ее выдает. Моя девочка не любит делиться тем, что у нее на сердце.

И это нормально, но от меня у нее не должно быть секретов.

– Делайла?

– М-м? – выдыхает она.

– Как Ордену удалось вытащить тебя из комнаты?

Она хмурится, не открывая глаз.

– Не хочу говорить. Ты на меня разорешься.

– С чего бы?

– Потому что я сглупила, – произносит она так уныло, что я едва сдерживаю смех.

– Не буду я орать. Расскажи, что случилось.

– Ладно, – выдыхает она. – Пришел какой-то парень и сказал, что, если я с ним не пойду, тебя прикончат.

Пульс учащается, я сжимаю кулаки. Хитрожопый ворон знал, что делает. Понятно, он действовал по приказу. Но мне все равно хочется его убить.

Отвожу с ее лица влажные пряди.

– Ты открыла дверь, чтобы меня спасти?

– Ага. Вот тупица, да?

– Нет, маленький ястреб, ты совсем не тупица.

Она качает головой.

– Я должна была догадаться, что он врет, когда он велел мне надеть свадебное платье, но я ничего не соображала, думала, тебе угрожает опасность. В итоге я просто переоделась и понеслась за ним, будто меня черти поджаривали.

Ее признание пульей пробивает мне грудь. Я никогда не хотел, чтобы невеста рисковала собой ради меня, но всегда мечтал, чтобы ей самой захотелось это сделать. Ведь это значит, что она что-то ко мне чувствует.

Или чувствовала.

Я заставляю ее меня полюбить. Неважно, сколько времени это займет и что от меня требуется. Она моя, пока смерть не разлучит нас.

– Что еще он тебе сказал? – спрашиваю я.

Делайла не отвечает, я целую ее в лоб, не зная, спит она или притворяется, как в больнице, когда к ней приходил Бен. Моя девочка явно не любит делиться своими тайнами. Жаль, что и мне приходится кое-что скрывать от нее.

Но если Делайла узнает правду, она попытается меня убить. Снова.

Глава 7. Делайла

Будильник истошно пищит, выдирая меня из марева лекарственного сна в суровую реальность. Перевернувшись, выключаю звонок на телефоне, и меня тут же прошибает боль, а с губ срывается стон. Какое грубое напоминание о том, что в животе у меня рана, а жизнь превратилась в хаос.

Выключив будильник, снова переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. Хуже понедельника и не придумаешь.

Мне даже лежать больно, как же мне идти на занятия? От одной мысли, что придется ковылять через кампус, меня корежит.

Ясно, учиться сегодня не вариант, а значит, я лишусь стипендии и меня вышвырнут из универа. Я так старалась, стольким пожертвовала, и все зря, от учебы у меня останутся лишь мерзкие воспоминания.

И все из-за этого сраного Ордена!

В комнате полутемно, утренний свет едва струится сквозь занавески, но я вижу, что Ксавье лежит рядом. Меня успокаивает негромкий звук его ровного дыхания. Впервые этот парень не кажется мне страшным и грозным. Лицо у него сейчас спокойное, и мне странно видеть его таким уязвимым.

Нерешительно провожу пальцем по его подбородку, наслаждаясь тем, что могу незаметно его рассматривать. Он всегда такой собранный, такой властный, но сейчас, когда я вижу его спокойным и умиротворенным, у меня в сердце что-то екает, не хочу даже знать почему.

Ксавье и в своем привычном мужественном образе казался мне красивым, а сейчас он попросту неотразим.

Вдруг он открывает глаза и хватается меня за запястье, прежде чем я успеваю отдернуть руку.

– Что ты делаешь?

– Ничего, – вру я. Щеки вспыхивают, и я отвожу глаза. – Пусти.

– С чего бы?

Голос у него глубокий и сладкий, как мед.

– Мне пора собираться на занятия.

– Делайла, ты не пойдешь на занятия.

Пытаюсь вырвать руку, но он с улыбкой сжимает ее только сильнее.

– В смысле?

– Без меня ты из комнаты не выйдешь.

– Ты что, шутишь?

– Нет, я серьезно, – сурово смотрит на меня он. – Тебе нужно отдыхать и поправляться.

– А отметки? Я не могу провалиться на экзаменах. В отличие от некоторых, мне не нарисуют зачеты просто потому, что я из семьи основателей. Моя фамилия не Донован.

– Это пока.

Ксавье подносит мое запястье к губам. Я нервно сглатываю. Этот парень метнул в меня нож, а мне хочется его поцеловать.

– Мне тоже не ставят отметки просто так. Да, мне позволяют наверстать те пары, что я пропустил, когда призывал Орден, и все же мои знания должны дотягивать до стандартов университета. Или, может, ты думаешь, хирургу, который тебя оперировал, за одну фамилию диплом дали? – Ксавье качает головой. – Нет, ему все пришлось выучить. И выучить на отлично. Зачем Ордену специалисты, которые, в случае необходимости, не смогут выполнить свои обязанности?

Я пожимаю плечами. Не могу не признать, что испытала облегчение от этой информации. Приятно знать, что штопал меня хороший специалист.

– Тем не менее мне надо на пары.

– Я все улажу.

– Как? – поднимаю бровь я. – Что ты сделаешь? Пойдешь на пары вместо меня?

Ксавье улыбается, в его глазах плещется расплавленное серебро.

– Именно.

– В смысле?

– Увидишь. – Он в последний раз целует мое запястье и отпускает меня. – И давай-ка не заставляй меня опаздывать. Мне нужно на учебу. На твою учебу.

Он встает с кровати и идет одеваться, а я смотрю ему в спину.

– Ты хоть мое расписание знаешь? – спрашиваю я.

Он натягивает черную футболку.

– «Академическое письмо» с Ямамото, алгебра с Гаррисоном, «Развитие человека» с Майер. И, разумеется, химия с доктором Эймсом.

Стараюсь не подать виду, как он меня удивил. Впрочем, что странного в том, что Ксавье известно мое расписание? Этот человек влез во все сферы моей жизни, график ему точно несложно было раздобыть.

– Разумеется? – переспрашиваю я. – Это так очевидно?

Ксавье натягивает черный армейский ботинок.

– В Ордене он числится мастером ядов.

У меня отваливается челюсть. Прекрасное умение владеть собой, ничего не скажешь.

– Что?

– Доктор Эймс учит рекрутов травить людей. Яды бывают разные, одни убивают мгновенно, другие действуют медленно. Смерть от некоторых ядов можно принять за естественную. От других же наступает мучительная агония. В общем, на любой вкус.

– И ты, получается... – делаю жест рукой. – Все это знаешь?

– Ну да, я очень прилежно занимался на его лекциях.

– Срань господня!

– А чего ты ждала от организации наемных убийц? – усмехается Ксавье.

– Не знаю. Наверное, просто приняла к сведению, что вы убиваете людей, а в детали не вдавалась.

– Но детали-то как раз и важны. Кстати, у тебя телефон заряжен?

– Да, а что? – отвечаю, покосившись на мобильник.

– Будь готова в ближайшее время ответить на мой звонок.

– Ладно, – тяну я. – Seriously, что ты собираешься делать?

– Я же сказал уже, пойду на твои занятия.

Он берет со стола тетрадь и ручку и кладет их на кровать возле меня. Заглядываю ему в лицо.

– Ксавье, я очень ценю, что ты хочешь мне помочь, но я не могу учиться по чужим записям. Мне нужно самой слушать лекцию и пытаться понять, что говорит препод, только так я запоминаю информацию.

– Я все улажу.

– Как? – растерянно хмурюсь я.

– Придется тебе хоть немного мне довериться.

– Не могу, рана от ножа не позволяет.

Он резко выдыхает и на мгновение закрывает глаза.

– Клянусь тебе, если бы был другой выход, я бы им воспользовался.

Ксавье так искренне смотрит на меня, умоляет взглядом о понимании, может, даже о прощении. А говорил, не станет извиняться за то, что спас мне жизнь. Но я-то вижу, как он мучается. И все равно я так просто ему этого не спущу.

– Держи телефон поблизости, – говорит Ксавье, сообразив, что я не отвечу.

– Хорошо.

– Никуда не уходи. – Он склоняется ко мне так низко, что губ касается его дыхание. – И никому не открывай дверь. Даже Маккензи.

Сердце оглушительно бьется в груди, только бы Ксавье не услышал. Интересно, он понял, что мне хочется его поцеловать, или это он так пытается меня напугать? Как бы там ни было, тело у меня горит, а по коже бегут мурашки.

Стоит ему склониться еще на дюйм ниже...

– Я серьезно, Делайла. Не вздумай выходить из комнаты.

Киваю, губы так и зудят от предвкушения. Но он целует меня только в висок. Так неожиданно и мило.

Сглатываю слюну, но это несколько не утоляет жажды. Я все равно дико хочу Ксавье. Наверно, это какое-то побочное действие лекарств.

Он выпрямляется, отнимая у меня свое тепло и запах.

– Скоро позвоню.

– Ладно.

Ксавье выходит из комнаты, а я смотрю ему вслед.

Но стоит замку защелкнуться, как я сажусь на кровати. Может, Ксавье и хочет меня защищать, но у меня от одного воспоминания о летящем в меня ноже кишки узлом завязываются. Не могу же я просто щелкнуть выключателем, включить доверие, словно лампочку, и рассеять сгустившуюся вокруг Ксавье темную тень. И все же трудно не замечать, как нежно и решительно он ведет себя по отношению ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.